

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

БЕЛЫЙ МАМОНТ

УДК 82-821+82-344
ББК 84(2Рос-Рус)
П70

*В оформлении обложки использованы рисунки Елены Вавкиной
и портрет в исполнении Александра Шурица,
предоставленный автором книги*

Исключительное право публикации принадлежит
издательству «Литературный Совет»

Все права защищены

Никакая часть книги не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения правообладателя

Прашкевич Г.М.

П70 Белый мамонт / Геннадий Прашкевич. — М.: ЛитСовет,
2015. — 302 с.

ISBN

Том открывается повестью «Белый мамонт» — невероятной историей создания сверхоружия в каменном веке. Это первый (и пока единственный) в мировой литературе перевод с неандертальского. В научно-фантастическом романе «Кормчая книга» описано чрезвычайно далекое будущее человечества — всё на новом и новом, но при этом на все более высоком витке развития. Наконец, включает том стилистическое продолжение знаменитого романа Алексея Толстого «Аэлита», но продолжение это совершенно самостоятельное, в нем тесно сплетены события далекого прошлого и события нашего времени. История инвариантна, и все три вещи этого тома показывают самые разные (и возможные) ее ответвления.

УДК 82-821+82-344
ББК 84(2Рос-Рус)

Знак информационной продукции 12+

© Прашкевич Г.М., 2014
© ООО «Литературный Совет», 2015

ISBN

БЕЛЫЙ МАМОНТ

перевод с неандертальского

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Школа переводов с неандертальского еще не создана.

Существуют только отдельные попытки. Их пока немного.

Замечено, что история мирового искусства похожа больше не на гигантскую лестницу, ведущую всё ввысь и ввысь, лестницу, каждая ступень которой все более и более совершенна, а, скорее, на бесконечную горную цепь, — отдельные снежные вершины её образуют единую, невероятную по своей красоте панораму.

Но и самые большие вершины рушатся, уступают неумолимому времени.

Силы природы и социальные катаклизмы постоянно вмешиваются в жизнь искусства. Многие вершины, казавшиеся вечными, известны теперь только по позднейшим перерисовкам, по отголоскам чудовищно архаичных мифов, другие забыты безвозвратно; что же касается неандертальских шедевров, они вообще крайне фрагментарны, воссоздать полную картину вряд ли когда удастся. К счастью, время от времени мы находим пещеры, стены которых покрыты наскальной живописью, встречаем следы непонятных доисторических сооружений, обломки орудий, различные артефакты. Там, где каменный рассказ прерван, где уже нет никакой возможности восстановить утраченное, мы пытаемся заполнять лакуны более поздними фрагментами мирового искусства, совпадающими с первоосновой по интонации.

Это в природе человека. Это очищает его от скверны.

Это подчеркивает его скрытую суть.

Часть первая ЛЮДИ ЛЬДА

*Когда б вы знали, из какого сора
растут стихи, не ведая стыда...*

Анна Ахматова

1

Эббу был.

Первый человек был.

Один был. Много воды. Мало земли.

Негде ходить, негде северного олешка преследовать.

Пришел белый мамонт Шэли, круглый, мохнатый. Спросил: «Первый человек Эббу, почему сидишь на тундряной кочке? Почему не веселишься?»

Ответил: «Нет земли, вода только. Как кочевать?»

«Тогда живи в сухой пещере».

«Да как пройти?»

«Я сделаю».

Все мамонты рыжие, коричневые, иногда желтые, как осыпающаяся хвоя осенних лиственниц, а мамонт Шэли белый. Голова большая, над выдающимся лбом рыжая челка. Сам белый, а челка рыжая. Турхукэнни — называли мамонта в тундре, а лемминги звали — холгут. Побрел в воду, засадил бивни глубоко, вывернул со дна мокрую текущую глину, сырые камни, песок. Сломал правый бивень от усердия, взмутил море до самого заката, зато земля стала расти.

Сперва была как подошва.

Потом стала как шкура олешка.

Потом большой стала. Теперь Эббу на земле жил.

Высокие обрывистые утесы и круглые, залесенные холмы тянулись до далекой большой Соленой воды. По ночам колыхались над стылыми кочкарниками веселые полотнища северного сияния. Шли дожди. А в сухое время кипел гнус.

У Эббу круглые щеки, низкий лоб.

Первый человек не имел вождей и начальников.

Совсем один был. Если бы сдуло его в море, никто не узнал бы. Все считали бы, что Эббу не было. Никто не узнал бы, что был первый человек. Думали бы, что его просто забыли сделать.

А он ловил пищу и ел.

Потом пришла родная сестра.

Звали Апшу. Стала просить жениться на ней.

«Если не женишься, — сильно сердилась, — не будет детей, потомства не будет, земля останется без всяких людей. А раз так, кто увидит нас? Кто будет гонять мамонтов желтых и коричневых, всегда мохнатых? Кто будет пугать крутых толстых турхукэнни? Кто скажет “позор вам”, если не добудем вкусной еды? Кто на всем свете узнает обо всем этом? Тундра пустая, горы пустые. Кто?»

Эббу боялся. «Ты моя сестра. Зачем жениться?»

Робко оглядывался: «Это плохо. Это запрещено».

Тогда сестра стала думать, как ей самой такое сделать?

Сильно боялась, что семейная линия оборвется вместе с ней.

Печальная, ушла далеко по низкому берегу, обошла болота, не спугивая линяющих гусей, в высоких известняковых утесах увидела теплую пещеру.

«...вертоград моей сестры, вертоград уединенный...»

Догадалась.

Сделала всякую утварь.

Сплела новые циновки, выкроила из шкур новую одежду.

Потом вернулась, сказала: «В дальней пещере, в теплой пещере другую женщину встретила».

Эббу обрадовался: «Вот это ладно! Покажи путь».

И торопливо пошел по указанному сестрой долгому пути, а она коротким путем быстро вернулась. В пещере переменяла одежду, даже переменяла свою походку и выражение круглого с небольшим носом лица.

Стала красивая, как самка зверя.

Обнюхались.

«...был мрак, был вскрик, был жгучий обруч рук...»

Родили сына.

Потом родили дочь.

Дети сидят у входа в пещеру.

Мать не нянчила их, они дикуют.

Выросли без присмотра. Смотрели на лес, на зверей, изучали нравы, взаимную вражду и дружбу. Прилетала белая полярная сова, сердито кричала: «Не сидите на холодном камне. На теплой шкуре сидите!»

«Какая шкура? Как ответишь?»

«Ну, оленья шкура».

«Что такое олени?»

«Ну, с рогами».

«Что такое рога?»

Полярная сова сердилась, показывала голову оленя.

Дети смотрели и радовались: «О, как чудесно! Нос у оленя — как дыры в кожаном покрытии байдары».

Так росли.

Северное сияние играло.

Ровдужным покровом ниспадали с небес цветные шлейфы.

Отблесками ужасных костров ходили над поблескивающими снежными пространствами зеленые и красные лучи. Белый мамонт Шэли издала принохивался к растущим детям, большую тревогу чувствовал. Сам красивый, белый, только вместо правого сломанного бивня выросла круглая роговая бородавка. Ходил вокруг крутых скал, смотрел на ласточкины гнезда, висящие над входом в пещеру. Задумывался, так красиво было вокруг. Правда, из-за сломанного бивня улыбка казалась кривой. Турхукэнни будто ухмылялся все время. Но внимательно следил, как женщина-мать подоит большую грудь и даст своим детям.

Росли совсем бездно, совсем безволосые.

Когда стали взрослые тела, брат женился на сестре.

Скулы выдавались вперед, радостно круглились немые лица, блестели потные лбы. А крепкие челюсти перемальывали все, кроме трубчатых костей и камня. Камни и трубчатые кости не перемальывали.

Живут, дикуют.

Потом сын женился на дочери.

Это понравилось. Стали размножаться.

Появилось много людей. Стали называть себя Люди льда.

В большой пещере подмели полы. Стали употреблять в пищу личинки оленьего овода и помет оленя, смешанный с листьями растений. Стали умываться теплой мочой и восхищаться закатом. Хорошо жили, дружно жили. Потом охотник Кухиа рассердил белого мамонта Шэли.

У Кухиа волосы стояли дыбом, как от испуга. Он ходил, сильно наклонившись вперед, касался руками высоких кочек, говорил: «Ух!» Любил ходить далеко. Всегда говорил: «Ух!» Даже за пределы родных болот ходил. Видел открытые пространства травянистой тундры. «Ух!» Там на щебнистых холмах, разрезанных мелкими речками, среди березок, тальников, изумрудного мха паслись мохнатые мамонты.

Вкусная трава, вкусные ветки. Охотник Кухиа радовался открытым пространствам, на все говорил «Ух!», но достали мохнатые. Запах Кухиа им не нравился. Особенно достал белый. Имя — Шэли. Считал, что если он в два с половиной раза выше охотника, то может презирать. Считал Кухиа оборванцем. Всю дружную трибу Людей льда считал оборванцами.

Сам волосатый, как в белой парке.

На круглом животе шерсть почти до земли.

На щеке справа роговая бородавка. А на щеке слева — огромный бивень, сразу десятерых проткнет. А над желтыми хитрыми глазами — рыжая челка, как низенький козырек. И подошва такая плотная, что может ходить, где захочет, хоть по колючкам, хоть по камням.

Однажды Кухиа решил напугать белого мамонта Шэли и выскочил на него с каменным топором в руках. Страшно надув щеки, сказал: «Ух!» Мутная туча гнуса, висевшая над стадом мамонтов, тотчас набросилась на глупого Кухиа. Опухший и кровоточащий оказался в ледяном ручье. Даже не помнил, как туда попал. Люди льда говорили — с помощью мамонта.

В другой раз Кухиа наловил рыбы в ручье и громко радовался.

Теперь уже белый мамонт Шэли, услышав знакомое «Ух!», решил напугать веселого оборванца. Выскочил из-за ондушки, траурного дерева, затрубил, весь улов втоптал в песок. Лемминги, гревшиеся на солнце, бросились врассыпную, а охотник страшно рассердился. Вот все мамонты рыжие, а этот хулиган — белый. Почему так? Почему движется, как большой холм снега?

Стал присматриваться: в холгутае столько жиру и мяса, что если убить, прокормится вся триба.

Только как убить? Сильный. Смотрит хитро.

Бивень слева, такой три охотника не унесут. Роговая бородавка справа.

Тоненькие стрелы охотников ломались, кусая мамонта меньше, чем комары. Обожженные деревянные копыя застревали в засмоленной шерсти. Кухиа прятался в кустах, все присматривался, говорил: «Ух!»

Осердясь на это, холгут стал ловить Кухиа в удобных местах.

Охотник первым в трибе стал обрезать бороду каменным ножом и налегке бегал в короткой накидке из шкуры олешка. Такой короткой, что непристойно оголялись лодыжки. Оленьи самки стеснялись смотреть грустными влажными глазами. А белый мамонт ревел громко, земля дрожала. От сердитости тряс мохнатым, выпуклым над желтыми глазами лбом, затылок трясся, как тяжелый подтаявший сугроб. И кожа над веками медленно морщилась. На мельтешащих людей смотрел с обидой. Наверное, жалел, что сделал когда-то землю для таких поганых. Сидели бы среди воды. Считал, что Люди льда хуже, чем мыши.

Увидев ненавистных оборванцев, начинал пританцовывать от обиды. Вздыхал бивень, грозно тряс роговой бородавкой, вертел хоботом, как рукой. Иногда палку брал в хобот. И тот, кто успевал убежать от белого мамонта Шэли, рассказывал потом странные вещи.

*«...будто бы уцелевшие
от льда,
льда,
льда
по ночам пробегают
огромных зверей стада,
и под их косматыми лапами
степь дрожит,
и наутро
звездами,
звездами,
звездами
солончак разбит...»*

Всякое говорили.

Жгли костры, жевали сухой мухомор.

Разные видения Людей льда мучили. Один, например, бездумно плясал над черным провалом в ужасную пропасть — на совсем скользком ледяном гребне. Другой, дрожа, всю ночь пролезал в пустую глазницу волчьего черепа, валявшегося на полу пещеры. Третий радовался в углу пещеры, стонал, вскидывал руки. Грязные волосы на голове поднимались, как чешуйки еловой шишки.

«...у-у-у-уу... у-у-у... метелица... дым...»

Среди видений шуршал песок, пересыпаемый временем.

Весело мечтали, как заманят белого мамонта Шэли к реке и утопят. В ледяной реке под Северным сиянием утопят. Только надо привязать к бивню такой большой камень, чтобы животное не всплыло. Или мечтали вырыть такую глубокую земляную канаву, чтобы зверь в нее упал и разбился. Вот только чем рыть? Пустыми руками? Заостренными палками?

Разбивали вкусные мозговые кости, осуждали белого мамонта.

Вот создал землю, понаделал гор и болот, а глубоких ям не выкопал, глупый.

Жевали сухой вкусный мухомор, весело обещали оторвать холгугу все, что можно живому оторвать. Вот гор наделал, а глубоких ям не

выкопал, сердились. Трясет рыжей челкой. А Люди льда живут в дымной пещере. Обрабатываем шкуры олешков, сердились, чтоб не бегать совсем голыми. Шьем легкие муклуки на ноги, теплые кухлянки на плечи. На охоту далеко ходить, болота мешают. Приходится ставить в низкой тундре перевалочные базы, выделять сторожей. А мамонты ведут себя безобразно, все затаптывают. Из-за них, да еще из-за ужасных зимних ветров прячемся в дымных пещерах. Только Дети мертвецов живут хуже.

Откинувшись на мягкую медвежью шкуру, охотник Кухиа весело представлял, как будет душить белого мамонта. Обожжет в огне огромный кол, ударит холгута по глупой косматой голове. Потом сломает зверю левый бивень, потом собьет бородавку роговую, скажет: «Ух!» У меня такие огромные руки, думал, нажевавшись мухомора, что быстро задушу белого мамонта. С выражением сильного отвращения на лице задушу. Сдеру мохнатую юбку, достану жирную печень, напластаю мамонтовый жир ремнями. Буду есть, обрезывая жир каменным ножом перед самыми губами.

«...будем мы лежать на брюхе у костра всю ночь...»

Сытые будем. Плясать будем.
Горы сладкого мяса. Горы сладкого жира.

*«...от костра все злые духи уйдут прочь...
Ух! уйдут духи прочь...»*

Белый мамонт Шэли совсем глупый, сердился Кухиа. Вот создал горы и болота, а не дал людям большую дубину. Ночью, когда триба засыпала, хитрый охотник Кухиа вылезал из пещеры, всматривался в зеленую ледяную тьму.

Страшно в мире.

Снег до горизонта. Небо горит.

Заслышав запах холгута, пытался давать советы.

Но это зря. Холгут совсем-совсем глупый. Не слушал.

2

Сперва Людей льда даже оборванцами нельзя было назвать, — бегали голые.

Потом научились выделывать шкуры. У мужчин были толстые косы, низкие лбы, бегающие серые глаза. Ели много, но могли уходить на охоту без всякого запаса пищи. В течение нескольких дней гоняли зверя, совсем ничего не ели. Старая Хаппу, похожая на головешку, первая

заметила, что сырая текучая глина в огне твердеет. Она вылепила горшок и обожгла его в огне, добавив для крепости чью-то шерсть. Горшок получился такой уродливый, так страшно шипел и пускал пар, что вождь трибы выгнал старую Хаппу из пещеры и белый мамонт два дня учил старушку бегать по редкому кустарнику и сочным тундровым травам.

Потом затоптал.

Но горшки стали лепить.

Глиняные горшки всем понравились.

В тот год на новой охотничьей базе увидели вдали низкое озеро, у берегов вырос тонкий лед. Послали за водой хмурого охотника по имени Хишур.

«... в волосах его тело, он носит, как женщина, косу...»

Спустился к озеру, увидел турхукэнни. Подумал: зачем белый мамонт пришел? Даже подмигнул ему хмуро, но турхукэнни охотнику не ответил. Было видно, что обо всех Людях льда думает одинаково.

Шишир устрешенный вернулся.

«Почему у тебя горшок пустой?» — спросили.

«Не будет воды, — ответил Хишур. Горшок хмуро поставил возле кривых ног, согнулся, почти опираясь на длинные волосатые руки. — Белый мамонт Шэли не хочет давать воду, стоит на берегу».

«Снова иди, — угрожающе показал вождь Хишуру зазубренный каменный нож. — Бери горшок, крикни на холгута: “Уходи, глупый!”»

Хишур так и сделал, и Белый мамонт на него посмотрел.

Чувствовалось, что он не просто так смотрит. Чувствовалось, что у него, у холгута, появились какие-то особенные мысли по поводу раскричавшегося оборванца. Хоботом, как рукой, добродушно схватил Хишура, головой охотника пробил лед.

«... невозможно сердцу, ах! — не иметь печали...»

С той поры Хишур почти не покидал теплую тихую пещеру.

Все ворчал про себя хмуро, ворочался, шептал, трясясь, часто моргая, поглядывая в отверстие выхода пещеры, в котором Северное сияние разжигало нежной зеленью небосвод. «Скучно охотиться на мелочь... — шептал. — Скучно выливать из нор сусликов, варить мышей... Глупые лемминги смеются над Людьюми льда... Соберутся и смех стоит над норками... Надо далеко ходить, многое видеть, никого не бояться... Надо даже белого мамонта не бояться... Если убить такого жирного, долго сытно жить можно. Если убить такого тучного,